

В СЕРИИ
«МИРЫ РАТКЕВИЧ»
ВЫШЛИ:

«ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ»:

ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ
РУКОЯТЬ МЕЧА
МЕЧ БЕЗ РУКОЯТИ

«НАЙЛИССКИЙ ЦИКЛ»:

ТАЭ ЭККЕЙР!
ЛАРЕ-И-ТА'Э

ВНЕ ЦИКЛА:

ВРЕМЯ ЗОЛОТА, ВРЕМЯ СЕРЕБРА
ПАРАДОКСЫ МЛАДШЕГО ПАТРИАРХА
НАЁМНИК МЁРТВЫХ БОГОВ
ДЖЕТ ИЗ ДЖЕТЕВЕНА

Элеонора
Раткевич

АЖЕТ
ИЗ АЖЕТЕВЕНА

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Р25

Раткевич, Э.

Р25 Джет из Джетевена / Э. Раткевич. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. – 170 с. – (Миры Раткевич).

ISBN 978-5-521-74076-5

Императорский придворный Иллари вряд ли мог ожидать, что мальчишка, встреченный им на дороге, окажется джетом — представителем народа замечательных мастеров всех ремёсел, в том числе и искусства магии. И ещё меньше — что он станет его вассалом и лучшим товарищем. И что им придётся не раз спасти жизнь друг другу — тогда, когда оба оказались изгоями на своих землях...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74076-5

© Элеонора Раткевич, текст, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ГЛАВА 1

Бахту, как всегда, страшно потел, сопел и чесался. Более того, на его крыльце опять лежала кошка — наверняка та же самая, второй такой не сыщешь. Настолько облезлая и вонючая, что могла показаться мертвой, если б не уши: ушами она хоть изредка перебирала. Давным-давно можно было распрощаться и уйти и от Бахту, и от кошки, но Иллари внимательно слушал, как толстяк Бахту, икая, возносит кошке хвалу. Наконец, взглянув украдкой на садовые солнечные часы, Иллари встал, сосался в изысканных выражениях на неотложное дело, раскланялся с Бахту и не без труда похвалил кошку на прощанье. Через минуту он уже выводил коня через усадебные ворота. Садясь в седло, он содрогнулся: кошка решила мяукнуть ему вслед — и мяукнула.

Уф! Бахту и его кошка! Стерпеть их дольше полуминуты не в силах человеческих. Но Иллари, если уж нелегкая заносила его с визитом к Бахту, всегда покорно терпел и чудовищную плешистую тварь, и ее хозяина: уж слишком жарко возвращаться от Бахту посреди дня. Иллари предпочитал немного помучиться, слушая кошачью эпопею, но зато непременно дожидаться Часа Спящих листьев.

Сначала, пока солнце еще высоко, небесная синева отражается в белизне стенной кладки малого города, но вскоре, к Часу Ве-

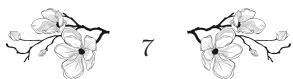
тров, солнце начинает клониться к закату, и на белых улицах не остается ничего белого. Все розовое и золотое, призрачно-легкое. Только тени синие, глубокие, тяжелые: даже непонятно, как из них вздымается в полосы света розовая, золотая, лимонная пыль. Серовато-синий камень мостовой словно течет, его разноцветные прожилки движутся, сливаясь и расслаиваясь. К концу пути, если подгадать время, можно выехать к городской стене, сложенной из темно-пурпурных плит, как раз тогда, когда ослепительно-алое солнце садится точно в центре распахнутых ворот. Розовый, лиловый, картинно-красный и бурый плющ ползет по стенам, почти невесомый, пронизанный предзакатными лучами. Гроздь красных ягод, осыпавших придорожные кусты, свешивается перед самым носом. Потом наступает долгожданная прохлада, и восхитительная минута — еще не вечер, уже не день — окрашивает мир в прохладные тона. Потом очень быстро спускаются сумерки — легкие, розово-лиловые; и розово-серый гранит замковых стен растворяется в этих сумеречных тонах, тает, парит в воздухе, клубится, — и собственный дом в этот миг всегда кажется Иллари томительно незнакомым и прекрасным. Ради этого стоит час — другой потерпеть Бахту и его кошку. К тому же белый город и днем небезопасен, а вечером — тем-более. Кошелек, руку или голову здесь отрежут с равной и ошеломляющей легкостью. Зато сознание опасности заставляет взгляд еще более жадно впиваться в каждую мелочь. А уж если кто привяжется, возникает великолепная возможность подраться, а то и пустить в ход оружие. Ради саднящей боли в разбитых губах и содранных косяшках пальцев, ради чудесного чувства силы и уверенности тоже можно потерпеть излияния Бахту. Хорошая драка того стоит! Молодость и красота, сила и веселье, и грустные стихи сами слетают со смеющихся губ: «Станут синие камни синей волной... станут белые стены белой пеной...». Иллари задумался, подыскивая сквозную рифму, чуть ослабил повод, прожилки в камне задыгались, мостовая и вправду заплескалась перед его мысленным взором, реальность потихоньку начала исчезать, заволакиваясь золотой пылью: «...станут белые стены белой пеной...». И тут

посреди строки чья-то рука высунулась из потоков света, что есть силы вцепилась в Иллари и дернула. Иллари из седла не вылетел, но, естественно, накренился. Когда он восстановил равновесие, опасность миновала: шарик, нацеленный из самострела ему в висок, пролетел мимо.

— Очень мило! — обрадовался Иллари, быстро выбрал из своих запасов шарик поувесистей и метнул его в незадачливого бандита, даже не прибегнув к помощи самострела. Бандит выругался и упал. Его товарищи попытались выместить на Иллари его неудачу, но Иллари очень доходчиво объяснил им, что если бандиту так уж хотелось испытать свою меткость, следовало выбрать другую мишень. Приятная дискуссия оказалась недолгой — так, несколько подбитых глаз и выбитых зубов. Вскоре, обратив бандитов в бегство, Иллари уже натягивал свои расшитые мягкие перчатки, сброшенные перед объяснением. Он оглянулся в поисках своего коня, опасаясь немного, что пока он учил местную пьянь уму-разуму, коня увели — такое с ним уже случалось. Но беспокойство оказалось напрасным. Та же рука, что потянула его вниз, крепко держала повод. Теперь только Иллари разглядел своего спасителя. Мальчик? Юноша? Высокий, ломкий, слишком худой для взрослого, но слишком сообразительный для подростка. У взрослых не бывает таких тонких рук, таких легких движений. А у детей не бывает таких настороженных глаз. Бездонно-черные глаза — до того черные, что кажутся лиловыми. Черные длинные волосы — наверное, красивые, да поди разберись, до того они грязные, спутанные. Хрупкое тело и живописные лохмотья сплошь в пыли, в грязи, в потеках и разводах. Но этот взгляд... Странный бродяжка. Впрочем, в белом городе кого только не встретишь! Бродяги, торговцы, шаманы, нищие, беглые рабы, безумные лиловоглазые джеты, остролицые горцы, наемники из Междуречья...

Странный бродяжка придержал серебряное стремя, и Иллари легко вскочил в седло. Он уже стиснул коленями бока лошади, но с места не двинулся. Странный Бродяжка держал правой рукой стремя, левой — повод, и смотрел на Иллари.

— Что тебе нужно? — спросил Иллари, с трудом подавляя раздражение. Единственное, за что нельзя требовать ни платы, ни благодарности — это спасение жизни. Любой житель Има-травы скорей умрет, чем помыслит даже о вознаграждении. Разве вот только шваль распоследняя... и то нет. Ну, значит, совсем распоследняя. Одно дело, когда тебя спас человек, знающий законы чести, и совсем другое — если ты обязан жизнью какому-то подонку. Неприятно вроде. Унизительно.

— Что тебе нужно? — резко повторил Иллари.

— Жить, — коротко ответил бродяга. Иллари смягчился. Это еще куда ни шло. Жизнь за жизнь — с любой точки зрения приемлемо.

— Пить. Есть. Одеваться, — пояснил бродяга. Да, подумал Иллари. Действительно. Впалые щеки, прозрачные пальцы. И эти лохмотья, и грязь. Странно, что парень не попрошайничает. Пожалуй, это все же интересно.

— Что ты умеешь? — спросил Иллари.

— Ничего, — ответил бродяга с подкупающим спокойствием. Иллари усмехнулся.

— Действительно интересно, — произнес он. — До сих пор у меня не было вассалов, не умеющих ничего. Во всяком случае, ни один не признавался.

Юноша улыбнулся и отступил на шаг. Закатное солнце брызнуло ему в лицо. Иллари ахнул.

До сих пор он думал, что глаза бродяги только кажутся лиловыми, а теперь увидел, что они и в самом деле лиловые. Очень темные, до черноты, но все-таки лиловые.

— Во имя трех праведных солнц! — выдохнул Иллари. — Джет?!

Бродяга чуть наклонил голову и опустил ресницы, затеняя глаза.

— Впервые в жизни, — тихо и медленно, словно не веря собственным словам, выговорил Иллари, — я вижу не сумасшедшего джета. Слушай, а может, ты все-таки... того, а?

— Понятия не имею, — искренне ответил джет.

— Значит, все в порядке, — уверенно заключил Иллари. — Был бы безумен — сказал бы, что в своем уме. Нет, но это и правда интересно. Вассала из джетов у меня никогда не было. И ни у кого не было.

Юноша как-то сразу тоскливо съежился, обмяк.

— Я, пожалуй, пойду, — неохотно сказал он.

— Постой! — Иллари успел поймать его за худое плечо и развернуть к себе.

— Ты, похоже, действительно «того.» Что случилось?

— Вы слишком храбрый человек, — ответил джет.

— А что, это плохо? — развеселился Иллари.

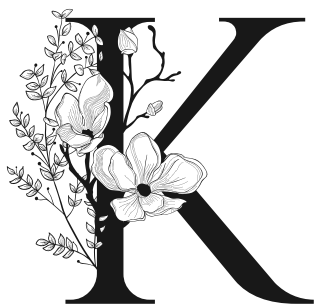
— Для вас — да. Если вы будете всем и каждому рассказывать, что вам служит джет, я за вашу жизнь и обрезка ногтя не дам. Вы очень добры ко мне, и я не хотел бы отплатить вам черной неблагодарностью. Так что я пойду.

Он не попытался вырваться, но ждал с прежним спокойным достоинством, пока Иллари ослабит хватку. Иллари недолго размышлял. От слов юного джета явно пахло придурью, если не хуже, но говорил он с такой детской серьезностью...

— Послушай, — Иллари притянул юношу к себе и попытался придать своему голосу такую же детскую серьезность, — а если я не скажу никому? Ну? если это будет наша с тобой тайна? Пойдешь со мной?

— Да, господин, — ответил джет без колебаний.

ГЛАВА 2

огда джет, чистенько отмытый и одетый во все новое, предстал перед Иллари, дабы принести ему вассальную клятву, сказать, сколько же ему лет, стало еще затруднительней. Слишком уж взрослое достоинство появилось в его походке. Но взглянув на нежную кожу на висках джета, Иллари решил, что первое впечатление было правильным: пятнадцать, от силы шестнадцать.

Юный джет оказался очень и очень недурен собой. Тонкие черты лица пребывали в спокойной гармонии. Кожа отливала ровным, нежным золотом, как речной песок на рассвете. Великолепные черные волосы то отблескивали вороново-синим, то наполнялись медовыми рыжими вспышками. Из этих волос джет соорудил себе замечательную челку, затенявшую взгляд.

— Думаешь, это тебе поможет? — усмехнулся Иллари при виде челки.

— Думаю, да, — серьезно ответил джет, — Все будут смотреть на челку, а в глаза — никто. Люди редко так наблюдательны, как вы, господин. Обычно человек невнимателен к себе подобным. Большинство людей не помнит, какого цвета глаза у лучшего друга, и под страхом смерти не вспомнит.

